

Николай Гоголь

Вечера
на хуторе
близ Диканьки
Миргород

ПОЛКА

альпина
ПРОЗА

Москва, 2025

Иллюстрация на фронтисписе:
К. Горюнов. Николай Гоголь.
1850 год. Из открытых источников

*Текст печатается по изданию: Гоголь Н. В. Сочинения. —
М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952.*

УДК 821.161.1-83
ББК 84(2=411.2)
Г58

Гоголь Н.

Г58 Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Николай Гоголь. —
М. : Альпина Паблишер, 2025. — 488 с. : ил. — (Главные книги
русской литературы).
ISBN 978-5-9614-9266-8

УДК 821.161.1-83
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-9614-8300-0 (серия)
ISBN 978-5-9614-9266-8

*Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память
ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения
владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной
библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alrina.ru.*

© Рыжова П., Шубинский В., предисловия, 2022, 2024
© ООО «Альпина Паблишер», 2025

Вечера
на хуторе
близ Диканьки

Предисловие «Полки»

Книга, которая ввела Гоголя в большую литературу: смесь реальности и фантастики, комедии и хоррора, сформировавшая канонический образ Малороссии для многих поколений русских читателей.

Полина Рыжова

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Восемь повестей об украинской народной жизни, в которых реальность мешается с фантастикой, а комедия — с хоррором. Книга, изданная под именем малообразованного пасечника, стала для Гоголя пропуском в большую литературу, а для многих поколений русскоязычных читателей сформировала каноничный образ Украины. Чернобровые панночки, удалые парубки с чубом, аппетитные галушки и горилка — все это мы живо представляем именно благодаря «Вечерам».

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

Гоголь начал писать «Вечера» в 1829 году: юный писатель совсем недавно переехал из Нежина в Санкт-Петербург, где терпит неудачи на актерском поприще, а затем и на литературном — убитый язвительными отзывами, он выкупает все доступные экземпляры своей первой поэмы «Ганц Кюхельгартен» и сжигает. Спасительной оказывается идея написать что-нибудь на тему Малороссии. Он забрасывает мать просьбами прислать как можно больше подробностей о жизни на родине: как одеваются сельские дьячки и крестьянские девки, как справляют свадьбы, какие существуют народные поверья и предания. Гоголь берется за тему не из-за ностальгии: в столице в это время бушует мода на всё украинское. Выпускаются книги («Малороссийская деревня» Ивана Кулжинского, «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» Антония Погорельского, «Сказки о кладах» Ореста Сомова), ставятся оперы («Леста, днепровская русалка» Николая Краснопольского,

«Пан Твардовский» Алексея Верстовского, «Козак-стихотворец» Александра Шаховского). Гоголь заканчивает работу над циклом к концу 1831 года — он успевает не только присоединиться к актуальному литературному тренду, но и, по сути, стать его лицом: со временем начинает казаться, что именно гоголевские «Вечера» открыли «малороссийскую тему» в русской литературе.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Очень по-разному. Повести «Вечеров» принадлежат нескольким жанрам: сказка-анекдот, сказка-новелла, сказка-трагедия. Гоголь намеренно располагает их в таком порядке, чтобы контраст между повестями выглядел еще ярче: например, за лихой вертепной историей о кузнеце и черте («Ночь перед Рождеством») следует готическая легенда о жутком колдуне («Страшная месть»), а затем — нелепый рассказ о сватовстве великовозрастного поручика («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»). В большинстве своем повести написаны простонародным языком с использованием колоссального количества украинских диалектизмов. На хуторе близ Диканьки, по выражению Андрея Синявского, «не могут связать двух слов, не упомянув черта, свата и брата или не увязнув в пришедших на ум невообразимых путрях и пундиках». Гоголевские рассказчики игнорируют не только литературные нормы, но порой и приличия, наполняя содержание повестей руганью, побоями, пошлыми интрижками и бестактными анекдотами («Господи, Боже мой, за что такая напасть на нас грешных! И так много дряни всякой

Улица в селе Диканьке. Фотография Иосифа Хмелевского на открытке. 1910-е годы

на земле — а ты еще и жинок наплодил»). Наряду с этим здесь то и дело находится место для высокопарного слога («Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее: с середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он»).

В «Вечерах» впечатляет не столько сюжет, сколько необычная живописность стиля. Это замечал Андрей Белый: сюжет у Гоголя «скуп, прост, примитивен в фавеле; ибо дочерчен и выглублен в деталях изобразительности, в ее красках, в ее композиции, в слоговых ходах, в ритме». Эта живописность находит и прямые

художественные аналогии: западные литературоведы нередко сравнивают стилистику «Вечеров» с картинами Иеронима Босха и Франсиско Гойи¹. Открывающая же цикл «Сорочинская ярмарка» сопоставляется с картиной Питера Брейгеля Старшего «Страна лентяев»²: сквозь ощущение праздности и изобилия, так же как и у Гоголя, здесь все отчетливее проступает чувство тревоги и страха.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Во-первых, этнографические сведения, которые исправно высылала мать писателя по почте, а также комедии отца Василия Гоголя-Яновского^{*1} (некоторые цитаты из них стали эпиграфами к «Сорочинской ярмарке»). Во-вторых, книги на украинскую тему, которые Гоголь внимательно и методично изучал, — в особенности для замысла писателя оказались важны «Русалка. Малороссийское предание» Ореста Сомова (1829) и «Энеида» Ивана Котляревского (последние ее части были написаны в первой половине 1820-х). В-третьих, множество украинских песен, вертепных драм, былишек, сказок, легенд. Из фольклора Гоголь, к примеру, позаимствовал сюжеты поездки на черте, свидания черта с ведьмой, поисков цветка папоротника и мотив призрачности богатства, полученного от нечистой силы.

Украинский фольклор в «Вечерах» Гоголь скрещивает с эстетикой немецкого романтизма: важное влияние на писателя оказали литературные сказки Гофмана и Людвиг Тика^{*2}. При этом нельзя сказать, что Гоголь первым догадался совместить

романтические установки с украинским колоритом: к концу 1820-х годов Малороссия уже воспринимается литераторами как визитная карточка русского романтизма (конкурируя в этом качестве с Кавказом).

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Самой первой в печати появилась повесть «Вечер накануне Ивана Купала» — она была опубликована в февральском номере «Отечественных записок» за 1830 год. Однако Гоголь остался недоволен многочисленными редакторскими правками Павла Свиньина^{*3} и от дальнейших журнальных публикаций отказался. Зато благодаря дебюту в престижном издании начинающий писатель обзавелся знакомствами в литературных кругах, теперь ему покровительствовал критик Петр Плетнев, который и посоветовал объединить все повести фигурой вымышленного издателя (примерно в это же время к такому приему прибегает Пушкин в «Повестях Белкина», а до него — Вальтер Скотт). Гоголь выпустил «Вечера»

^{*1} Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский (1777–1825) — госслужащий, драматург и поэт. Отец Николая Гоголя. В 1812–1825 годах был директором и актером домашнего театра царского вельможи Дмитрия Трошинского, для которого написал несколько водевилей и сказок, вдохновленных украинским бытом. Самые известные — «Простак, или Хитрость женщины, перехитрившая солдатом» и «Собака-овца».

^{*2} Людвиг Иоганн Тик (1773–1853) — писатель, поэт и переводчик, один из ключевых авторов немецкого романтизма. Написал роман «Странствия Франца Штернбальда», множество сказок, в том числе трехтомные «Народные сказки Петера Лебрехта» — сборник переделок и подражаний средневековым историческим легендам.

^{*3} Павел Петрович Свиньин (1787–1839) — писатель, редактор, журналист, дипломат и коллекционер. Первый издатель литературного журнала «Отечественные записки», автор исторических романов «Шемякин суд» и «Ермак, или Покорение Сибири». Многие современники в литературном сообществе относились к Свиньину снисходительно и попрекали за неискренность и стремление выслужиться.

двумя книжками (первая вышла в сентябре 1831 года, вторая — в марте 1832-го). Любопытно, что книжную версию повести «Вечер накануне Ивана Купала» Гоголь предварил специальным предисловием, где в шуточной форме дистанцировался от журнального варианта повести. Рассказчик Фома Григорьевич, слушая пересказ своей же истории из «небольшой книжечки», приходит в негодование: «Плюйте ж на голову тому, кто это напечатал! *бреше, сучьий москаль*. Так ли я говорил? *Що-то вже, як у кого черт-ма клепки в голови*». Впрочем, каких-либо других свидетельств жесткой правки Свиныным «Вечера накануне Ивана Купала» не существует — автограф журнальной редакции повести не сохранился, а стилистическая переработка книжной версии в целом соответствует общей эволюции гоголевского стиля³.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Широко известен восторженный отзыв о «Вечерах» Александра Пушкина: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались “Вечера”, то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою»⁴. На самом деле историю о наборщиках Пушкину рассказал в письме сам Гоголь⁵:

Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня,

давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. <...>
Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву. Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни.

Претензии в первую очередь предъявлялись Гоголю насчет стиля. Об этом, в частности, рассуждал Фаддей Булгарин⁶: «Прочел предисловие — и утомился. Развертывая в нескольких местах, и описательная проза с необыкновенным многословием ужасает меня. Не терплю многословия и длинного описания бугров и рощей». Михаил Загоскин (со слов Сергея Аксакова) нашел в гоголевском дебюте «неправильность языка, даже безграмотность»⁷. Пожалуй, самый гневный отзыв принадлежал Николаю Полевому, в своей критической статье он решил обратиться к анонимному автору напрямую: «Во-первых, все ваши сказки так не связны, что, несмотря на многие прелестные подробности, которые принадлежат явно народу, с трудом дочитываешь каждую из этих сказок. Желание подделаться под малоруссизм спутало до такой степени ваш язык и все ваше изложение, что в иных местах и толку не доберешься»⁸. Полевой выразил уверенность, что автор «Вечеров» не имеет ничего общего с Малороссией («Довольно, мы видим, что вы самозванец-Пасичник, вы, сударь, Москаль, да еще и горожанин»), из-за чего позже стал объектом ехидных шуточек.

В целом реакция литературных кругов на книгу была для Гоголя ободряющей. Андрей Синявский в работе «В тени Гоголя»

писал, что молодой дебютант «очаровал Петербург галушками, козачком, горилкою, простонародными байками, песнями и легендами, толком не зная ни той страны, откуда все это вывез, ни той, в которую это привез». На первых порах в литературных кругах ему простили и фактические неточности, и шероховатость стиля: «Провинция, внушая снисхождение, себя оправдывала, собою прикрывалась (только потом догадались, какое лихо явилось к нам из провинции, да было поздно — Гоголь заполнил столицу)»⁹.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Гоголь довольно быстро охладел к своей дебютной книге — уже в 1833 году в письме Михаилу Погодину он отзывается о ней

раздраженно: «Я даже позабыл, что я творец этих “Вечеров”, и вы только напомнили мне об этом. <...> Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня». Пренебрежение автора к циклу заметно и в предисловии к первому собранию сочинений, предпринятому в 1842 году: «Всю первую часть следовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя; но при них чувствовались первые сладкие минуты молодого вдохновения, и мне стало жалко исключить их...»

Такое же снисходительное отношение к «Вечерам» переняла и критика: долгое время ранняя проза Гоголя рассматривалась исключительно в контексте «Шинели» и «Мертвых душ». Характерно в этом смысле едкое замечание Владимира

Дворец князя Кочубея в селе Диканька. Дореволюционная открытка

Набокова: «Когда я хочу, чтобы мне приснился настоящий кошмар, я представляю себе Гоголя, строчащего на малороссийском том за томом “Диканьки” и “Миргороды” — о призраках, которые бродят по берегу Днепра, водевильных евреях и лихих казаках». Однако наряду с этим складывалось и совсем другое отношение к «Вечерам» — как к произведению обманчиво простому, неполноценному множеству скрытых смыслов. Так воспринимали гоголевский дебют в символистской или околосоимболистской среде: многое для более глубокого понимания «Вечеров» сделали работы Василия Розанова, Дмитрия Мережковского, Андрея Белого. Постепенно в литературоведении сложилось понимание (в частности, благодаря работам Юрия Манна и Юрия Лотмана), что гоголевский цикл — не просто собрание сказочных историй из жизни Малороссии, а сложноустроенный универсум, который не стоит воспринимать буквально.

Цикл «Вечеров» был крайне востребован отечественным кинематографом. Экранизировать новеллы начали еще в эпоху немого кино (фильмы Владислава Старевича), но бум экранизаций пришелся на сталинскую эпоху с ее попыткой опереться на фольклор и народные традиции «братских республик» (лубочные картины Николая Экка и Александра Роу). После оттепели гоголевские повести воспринимались как пространство для художественных экспериментов (аллегорическая экранизация «Вечера накануне Ивана Купалы» Юрия Ильенко, оператора Сергея Параджанова). В постсоветской России «Вечера» стали материалом двухчастного комедийного мюзикла Сергея Гурова («Вечера на хуторе близ

Диканьки» и «Сорочинская ярмарка»), где Оксану играет Ани Лорак, Солоху — Лолита Милявская, Хиврю — Верка Сердючка^{*1}, а роль черта отдана Филиппу Киркорову. Не так давно тему Диканьки актуализировала трилогия о Гоголе («Гоголь. Начало», «Страшная месть» и «Вий») — готическая треш-сказка с мистическими убийствами и расследованиями.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ДИКАНЬКА ВЫНЕСЕНА В ЗАГЛАВИЕ?

Непосредственно в Диканьке развиваются события лишь одной повести из восьми («Ночь перед Рождеством»). Зато близ Диканьки живет пасечник Рудый Панько, вымышленный издатель «Вечеров»: «Как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора». Это не шутка и не фигура речи, в ту пору Диканьку действительно можно было рассматривать как ориентир: со времен Екатерины II через эту деревню лежал путь высочайших особ в Малороссию. Князь Иван Михайлович Долгорукий писал в 1810 году, что Диканька — «лучшее местоположение под Полтавою» и «будто Екатерина II, быв на этом месте, изволила отозваться, что она лучше его ничего не видала»¹⁰. В 1820 году здесь также побывал Александр I. Диканька в ту пору принадлежала богатому и влиятельному князю Виктору Павловичу Кочубею. В 1828 году Александр Пушкин воспел его прадеда, Василия Леонтьевича, в поэме «Полтава»:

^{*1} Андрей Данилко внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

Богат и славен Кочубей.
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.

Имение Гоголей-Яновских находилось от владений Кочубея в полусотне километров. Вполне закономерно, что Гоголь в заглавии своей дебютной книги апеллировал к влиятельному соседу (и заодно к любимому Пушкину). Впрочем, уже спустя несколько лет Гоголь в письме к матери высказывается о Кочубее довольно заносчиво: «Велика важность, что Кочубей мерял нашу землю! Пусть он хоть всю ее поместит у себя на плане! Мы можем поместить его Диканьку у себя на плане». В каком-то смысле именно это Гоголь и сделал благодаря «Вечерам».

ДЛЯ ЧЕГО ГОГОЛЬ УСТРАИВАЕТ ЧЕХАРДУ С РАССКАЗЧИКАМИ?

Рассказчиков в «Вечерах» действительно так много, что можно запутаться. Самый главный из них — Рудый Панько, выступающий собирателем и издателем историй (наделив героя профессией пасечника, Гоголь уподобляет собирательство историй сбору меда). Его основной и любимый рассказчик — дьяк Фома Григорьевич («Вечер накануне Ивана Купала», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место»). Еще несколько историй («Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь»)

Альбом литографий к «Вечерам на хуторе».
1874 год

принадлежит «гороховому паничу» — его рассказам, по мнению Рудого Панька, свойственна раздражающая литературность: «Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать — вычурно, да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких!» Во второй книжке «Вечеров» появляется рассказчик Иван Степанович Курочка — его историю про Ивана Шпоньку издатель якобы переписывает с листа, но из-за того, что часть листов жена Рудого Панька использовала для приготовления пирожков, развития и окончания истории мы так и не узнаём. Еще один рассказчик

«Тут встала она, держа в руках зеркальце».
Иллюстрация Владимира Маковского
к «Вечерам». 1876 год

упоминается, но не называется (он «(не-чего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове»), — вероятно, именно его авторству принадлежит «Страшная месть».

При таком композиционном многоголосии Гоголь умудряется множить рассказчиков уже внутри самой истории. Показательный пример — «Вечер накануне Ивана Купала»: историю рассказывает Фома Григорьевич, который, в свою очередь, пересказывает рассказ своего деда, в основе которого лежат свидетельства

«родной тетки» деда. Благодаря такому усложнению автор будто намеренно запутывает слушателя, сбивает со следа, показывая, что настоящим автором истории выступает не отдельный человек, а целый народ.

У МНОГИХ ГЕРОЕВ «ВЕЧЕРОВ» ДОВОЛЬНО ЭКЗОТИЧЕСКИЕ ФАМИЛИИ. ОНИ ЧТО-ТО ОЗНАЧАЮТ?

Украинские фамилии у Гоголя близки к прозвищам, поэтому большинство из них вполне можно расшифровать. Например, имя Пузатого Пацюка из «Ночи перед Рождеством» — героя, умеющего поглощать галушки и вареники без использования рук, — в переводе с украинского означает толстую крысу. В экранизации Александра Роу сходство с животным персонажу придают серые усы, торчащие в разные стороны. Пацюк наводит на набожного кузнеца Вакулу ужас (даже не из-за левитирующих вареников, а из-за того, что Пацюк объедается скоромной пищей^{*1} перед Крещением, в день сурового поста), и эта близость героя к нечисти дополнительно подчеркивается именем: крысы в славянской народной традиции считались нечистыми животными, наделенными дьявольскими свойствами. Смысловую нагрузку у Гоголя несут не только прозвища, но и личные имена. В «Сорочинской ярмарке», к примеру, имя Хиври (сокращенное от Хавроньи) восходит к свинье, а имя ее падчерицы Параски в народной этимологии означает «поросся», поросенка. Несмотря на выраженный внешний конфликт

^{*1} Мясо, молоко, яйца и другие продукты животного происхождения, которые нельзя есть во время православных постов.

двух героинь, связь на уровне имен открывает еще один смысловой слой рассказа: прекрасная Параска после свадьбы неизбежно превратится в злую бабу Хиврю. Не зря девушка примеряет на себя очипок мачехи, который до этого забрызгал грязью ее будущий муж.

Однако не все прозвища героев «Диканьки» столь значимы; некоторые из них, кажется, составляют лишь предмет непринимчивой шутки (из-за чего на Гоголя нередко сердились критики-современники): например, имя одного из поклонников Солохи — казака Свербыгуза означает буквально человека, «часто чешущего задницу», а имя парубка Кизяколупенко из этого же рассказа переводится как «колющий навоз». «У нас, не извольте гневаться, такой обычай, — предупреждал ранимых критиков Рудый Панько («рудый» значит «рыжий») в предисловии «Вечеров», — как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно».

НАСКОЛЬКО УКРАИНА, ОПИСАННАЯ ГОГОЛЕМ, БЫЛА БЛИЗКА К РЕАЛЬНОСТИ?

Почти все повести «Вечеров» так или иначе соотносятся с историческим контекстом: начиная с «Майской ночи», где мельком упоминается путешествие Екатерины II в 1787 году на юг России, заканчивая «Ночью перед Рождеством», где Екатерина II и князь Григорий Потемкин-Таврический выступают уже полноценными действующими лицами. Это касается не только XVIII века, но XVI–XVII веков: в «Страшной мести» исторически обоснована и история пана Данила, и даже легенда

о двух братьях, Иване и Петре. Всего в «Вечерах» упоминается больше десятка лиц, связанных с историей Украины, среди которых Богдан Хмельницкий, Иван Подкова, Петр Сагайдачный, Карп Полтора-Кожуха и т. д. Благодаря историческим параллелям и множеству краеведческих подробностей создается ощущение, что Малороссия в «Вечерах» описана максимально реалистично, однако все здесь не так просто.

Буквально сразу же после выхода книги Гоголя начали критиковать за недостоверность изображения родного края: Андрей Стороженко под псевдонимом Андрий Царынный опубликовал обстоятельный разбор под названием «Мысли малороссиянина, по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием “Вечера на хуторе близ Диканьки”, и рецензий на оныя», в нем он отметил множество языковых ошибок (например, неправильность использования обращения «пан») и несообразностей в поведении героев. Станным ему показался поступок Грицька в «Сорочинской ярмарке», просто так обругавшего пожилую незнакомую женщину («так бесчинствуют одни лишь горькие пьяницы...»), а также раскованность Параски, обнимающейся на ярмарке с разгульным парубком, который до этого запустил ком грязи в ее мачеху («у нас всякая молоденькая девушка имеет стыд и страх Божий»). В 1861 году с похожей критикой выступил поэт Пантелеймон Кулиш, он счел неправдоподобным сцену сватовства в «Сорочинской ярмарке», время свадьбы (их обычно играют осенью и зимой, поскольку август занят уборкой урожая), да и само описание свадьбы. Однако аномальность поведения героев в этой повести вполне может быть частью авторского

замысла: согласно одной из трактовок, Параска выходит замуж не за удалого парубка, а за черта (имя Грицько, сокращенное от Григорий, в ту пору служило одним из обозначений черта), не зря разудалая веселость происходящего отдается в конце повести тоскливым эхом.

Украинские публицисты отмечали, что «Вечера», как правило, не находят отклика в среде простого народа, читатели видят в них «неправду житьёву»¹¹. Такое представление, кстати, отразилось в «Братьях Карамазовых» Достоевского, в сцене, где Федор Павлович дает почитать гоголевскую книжку юному Смердякову:

Малый прочел, но остался недоволен, ни разу не усмехнулся, напротив, кончил нахмурившись.

— Что ж? Не смешно? — спросил Федор Павлович.

Смердяков молчал.

— Отвечай, дурак.

— Про неправду все написано, — ухмыляясь прошамкал Смердяков.

Малороссия в «Вечерах», несмотря на обилие реальных деталей, предстает страной скорее фантастической, где все основано на принципе чрезмерности: каждая эмоция усилена, каждое действие сопровождается гиперболой. «...Родная Украина становится какой-то неведомой, роскошной страной, где все превосходит обычные размеры, — писал о цикле Гоголя Валерий Брюсов. — Такова была сила его дарования... что он не только дал жизнь этим вымыслам, но сделал их как бы реальнее самой реальности». Создав свою собственную Малороссию по книгам и воспоминаниям, Гоголь заставил поверить в нее остальных.

ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНЫ В «ВЕЧЕРАХ» ТАКИЕ ВЛАСТНЫЕ?

Большинство героинь Гоголя не только не дают себя в обиду, но и сами выступают обидчицами мужчин. Так, к примеру, в «Сорочинской ярмарке» под гнетом жены страдает Солопий Черевик (еще одно значимое прозвище: «черевик» значит «сапожок», то есть Солопий буквально находится под сапогом у супруги). Он боится излишне перечить жене Хивре, поскольку та может его побить («Тут Черевик наш заметил и сам, что разговорился чересчур, и закрыл в одно мгновение голову свою руками, предполагая без сомнения, что разгневанная сожительница не замедлит вцепиться в его волосы своими супружескими когтями»). Побоев бояться и другие герои «Вечеров»: дьяк Осип Никифорович из «Ночи накануне Рождества», изменяя жене с Солохой, больше всего переживает, «чтобы не узнала его половина, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую», жена Кума из того же рассказа регулярно вступает с ним в драку («Кум, несмотря на всегдашнее хладнокровие, не любил уступать ей и оттого почти всегда уходил из дому с фонарями под обоими глазами»), а жена ткача пробует на муже силу кочерги («Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу; дала пивкопы, — та ничего... не больно»). Стоит вспомнить и тетюшку Василису Кашпоровну из рассказа про Шпоньку, в присутствии которой все мужчины ощущали робость:

Казалось, что природа сделала неприятельную ошибку, определив ей носить темно-коричневый по будням капот с мелкими оборками и красную

кашемировую шаль в день Светлого воскресенья и своих именин, тогда как ей более всего шли бы драгунские усы и длинные ботфорты.

Выводя таких героинь, Гоголь, разумеется, не намекал ни на какую эмансипацию — для него это типичный комический прием в духе вертепной пьесы: муж-слабак под каблуком у властной сварливой жены. Однако исследователь Иван Ермаков, анализирувавший «Вечера» с позиций психоанализа, отмечал, что Гоголь не просто шутил, он тяготел к описанию зрелых женщин: в случае с молодыми девушками (Оксана, Ганна, Параска) писатель довольствовался перечислением эпитетов красоты, которые встречаются в народных песнях (блестящие черные очи, косы, брови), тогда как в характеристике старух он чувствовал себя куда более свободным, «там вступал в силу его талант»¹². Любопытно, что в женщинах, властвующих над мужчинами, у Гоголя почти всегда заложено демоническое начало — они постоянно сравниваются с чертами и ведьмами.

Солопий из «Сорочинской ярмарки», напуганный появлением головы свиньи в окне, бросается наутек из дома: он думает, что за ним гонится черт, на самом деле за ним следует испуганная Хивря. Цыгане, обнаружившие их лежащими друг на друге, тоже припоминают черта:

- Что лежит, Влас?
- Так, как будто бы два человека: один наверху, другой нанизу; который из них черт, уже и не распознаю!
- А кто наверху?
- Баба!
- Ну, вот, это ж то и есть черт!

Всеобщий хохот разбудил почти всю улицу.

В украинском фольклоре женщина часто соотносится с дьяволом. По одной из легенд женщина была сотворена не из ребра Адама, а из хвоста черта. По другой — увидев бабу и черта, апостол Петр отрубил им обоим головы, а затем приставил их наоборот, с тех пор баба ходит с головой черта¹³. Мистический ужас перед женщиной, которая может лишить мужчину воли (или угрозами, как Хивря, или своим обаянием, как Солоха), распространяется на весь цикл и находит отражение даже в рассказе про Шпоньку, казалось бы избавленном от всякой потусторонности. После сватовства Ивану Федоровичу снится страшный липкий сон:

То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит — вместо одинокой — двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему странно; он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее гусиное лицо. Нечаянно поворачивается он в сторону и видит другую жену, тоже с гусиным лицом. Поворачивается в другую сторону — стоит третья жена. Назад — еще одна жена. Тут его берет тоска. Он бросился бежать в сад; но в саду жарко. Он снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена. Пот выступил у него на лице. Полез в карман за платком — и в кармане жена; вынул из уха хлопчатую бумагу — и там сидит жена...

Как известно, сам Гоголь тоже опасался сблизиться с женщинами и всю жизнь оставался холостым.

ЗА ЧТО ГЕРОИ «ВЕЧЕРОВ» КЛЯНУТ «МОСКАЛЕЙ»?

«Москаль» здесь определенно ругательное слово: «если где замешалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько от голодного москаля», «да мне так теперь сделалось весело, как будто мою старуху москали увезли», «пьяный москаль поборится вымолвить их нечестивым своим языком», «когда черт да москаль украдут что-нибудь, то поминай как и звали» и т. д. Однако «москаль» в речи казаков обозначает не москвича, как можно подумать, и даже необязательно русского: в старину на Украине так называли офицеров, солдат, чиновников, находящихся на государственной службе¹⁴. Считалось, что им свойственна склонность к обману и пройдошливости. Однако в «Вечерах» также встречается бранное слово «кацап», которое обозначает как раз человека из России. Его употребляет сосед Шпоньки в светской беседе: «Надобно вам знать, милостивый государь, что я имею обыкновение затыкать на ночь уши с того проклятого случая, когда в одной русской корчме залез мне в левое ухо таракан. Проклятые кацапы, как я после узнал, едят даже щи с тараканами».

Вообще мир «Вечеров» — плодотворная почва для любого рода ксенофобии. В нелестном контексте упоминаются цыгане (они считались «сродни черту»), евреи («жиды» в фольклоре воспринимались как черти, только еще хитрее), немцы (под немцами понимались любые иностранцы, и они тоже соотносились с бесами). Но, пожалуй, самыми лютыми врагами для героев «Вечеров» являются католики и ксендзы. Эта нетерпимость — эхо Брестской унии

1596 года, по которой православная церковь на Украине перешла в подчинение папе, что привело к столкновениям между казачеством и поляками; для многих (особенно малообразованных) жителей Малороссии того времени слово «католик» превратилось в бранное.

КАК УСТРОЕН У ГОГОЛЯ МИР НЕЧИСТОЙ СИЛЫ?

Колдовской мир в фольклорном сознании никак не отделен от мира людей, напротив, он состоит с ним в тесных, а зачастую даже в родственных связях. Ведьма Солоха — мать набожного кузнеца Вакулы, который смог одурачить черта. Колдун из «Страшной мести» — отец Катерины, жены главного героя Данилы. Ведьма из «Майской ночи» — мачеха панночки, ставшей утопленницей. В «Вечерах» нечисть ведет себя как люди, а люди — как нечисть. Статус многих героев из-за такой диффузии остается непонятным: например, знахарь Пацюк из «Ночи перед Рождеством» застрелял где-то посередине между человеческим и демоническим. Сложно охарактеризовать и Басаврюка из «Вечера накануне Ивана Купала»: он то ли «бесовской человек», то ли черт, обернувшийся человеком, то ли ходячий покойник — такая расплывчатость для фольклора обычно нехарактерна.

Приметами связи с демоническим миром в «Вечерах», как и в народной традиции, служат самые невинные вещи: растрепанные волосы, косоглазие, хромота. Любая инаковость объясняется чертовщиной. Все, что не соответствует принципам и стандартам патриархальной

Корпус Киево-Могилянской академии. 1900-е годы

общины, понимается как проделки дьявола: в связях с нечистым чаще всего подозреваются женщины, люди других национальностей или вероисповеданий, безродные отщепенцы. Характерным примером в этом смысле служит рассказ «Страшная месть»: мы наблюдаем, как отец Катерины, находящийся в ссоре с зятем, постепенно раскрывает свою демоническую сущность, будто намеренно подтверждая подозрения Данилы. Отец Катерины возвращается из чужих краев после двадцати лет скитаний (уже странно!), не ест привычную еду и отказывается от алкоголя, чем сразу же вызывает в зяте возмущение: «Не захотел выпить меду! слышишь, Катерина, не захотел меду выпить... Горелки даже не пьет! Экая пропасть! мне кажется,

пани Катерина, что он и в Господа Христа не верует. А, как тебе кажется?» Еще сильнее настраивают Данилу против свекра зловещие предвестия и кошмарные сны жены. Кажется, будто он заковывает в цепь отца Катерины не столько из-за того, что тот колдун, сколько из-за предательства родины и веры. Андрей Белый, к примеру, интерпретировал «Страшную месть» как социальную историю, а не мистическую: «Суть же не в том, что “колдун”, а в том, что — отщепенец от рода, “страшно” не оттого, что “страшен”, а оттого, что страшна жизнь, в которой пришелец издалека выглядит непременно “антихристом”».

Согласно Белому, настоящий ужас «Вечеров» сосредоточен не в изображении чертей и ведьм, а в изображении

патриархального общества: «Всякий инако слаженный, — хозяйственник ли, инако мыслящий ли, инако ли одёвый, инако ли сеющий репу, внушает ужас любому скопищу людей, которое тут же “срастается в одно громадное чудовище” (как у Гоголя в “Сорочинской ярмарке”. — *Прим. ред.*); каждому в сросшемся со всем, что ни есть, состоянии кажется, “будто залез в прадедовскую душу” он; а кто не залез, того — бей!»

ГДЕ В «ВЕЧЕРАХ» ПРЯЧЕТСЯ САМ ГОГОЛЬ?

Комическое альтер эго писателя можно увидеть в образе панича в гороховом сюртуке, рассказчика нескольких историй из первой части «Вечеров». Иронические комментарии Рудого Панька насчет излишней литературности историй панича, по сути, предвосхищают упреки критиков, которых раздражает высокопарный слог Гоголя. В облике героя есть и общие с писателем черты, например способность вынюхать большую порцию табака; в «Вечерах»: «...Захвативши немалую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись

даже до большого пальца», а вот запись Гоголя в альбоме Елизаветы Чертковой: «...Мой <нос> решительно птичий, остроконечный и длинный... могущий навеваться лично, без посредства пальцев, в самые мелкие табакерки».

Трагическое же альтер эго писателя можно рассмотреть в образе колдуна из «Страшной мести» (о его автобиографии писали Андрей Белый, Валерий Брюсов, Александр Блок, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов, Иван Ермаков). И панича, и колдуна роднит друг с другом их статус чужого в диканьковском мире и нежелание соблюдать установленные в нем традиции. Этот бескомпромиссный индивидуализм, чувство отчуждения и инаковости было хорошо знакомо Гоголю (см. у Набокова: «Школьником он с болезненным упорством ходил не по той стороне улицы, по которой шли все; надевал правый башмак на левую ногу; посреди ночи кричал петухом и расставлял мебель своей комнаты в беспорядке, словно заимствованном из “Алисы в Зазеркалье”»). Панич и колдун, по сути, представляют собой два полюса гоголевского творчества, на одном из которых «настоящая веселость», по Пушкину, на другом — жуткая дьявольщина, пустота.

Вечера
на хуторе
близ Диканьки

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Это что за невидаль: “Вечера на хуторе близ Диканьки”? Что это за “Вечера”? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вещее мое все эти речи еще за месяц! То есть я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет — батюшки мои! — Это все равно, как случается, иногда зайдешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмотреть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!...» Я вам скажу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдыхать на всю зиму на печь, и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, — тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издаля, бренчит балалайка, а подчас и скрыпка, говор,

шум... Это у нас *вечерницы*! Они, изволите видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для бала, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрыпачом — подымеется крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого^{*1} халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в балахоне из тонкого сукна, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем^{*2}, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал

*1 Грубая ткань пестрой окраски.

*2 Топленый жир.

нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории*¹. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему насчет этого славную сплел присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на *ус*. Лопата у него — лопатус, баба — бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латыньщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хвать его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голубчик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посередине комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, щелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то бусурманского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и всё ни слова; да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя чуть ли еще не поговорку: «Не мечите бисер перед свиньями»... «Быть же теперь ссоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича

*¹ Межевой судья.

так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий кныш с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать шиш, протянулась к кнышу, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку. Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда. Еще напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости Господи, как черта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до нового года и выпущу другую книжку, тогда можно будет постращать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдете побасёнки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, — лень только проклятая рыться, — наберется и на десять таких книжек.

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы слышались вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живет пасичник Рудый Панько?» — «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведет вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич, третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то, что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам еще покупные.

Зато уже как пожелуете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот — дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза

или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху^{*1} с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть пудру с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объяденье, да и полно. Сладость неописанная! Прошлого года... Однако ж что я в самом деле разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному, и поперечному.

Пасичник Рудый Панько.

^{*1} Водка, сваренная с медом, ягодами и пряностями.

На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны.

Банду́ра, инструмент, род гитары.
Бато́г, кнут.
Боля́чка, золотуха.
Бо́ндарь, бочар.
Бу́блик, круглый крендель, баранчик.
Буря́к, свекла.
Буха́нец, небольшой хлеб.
Ви́нница, винокурня.
Галу́шки, клёцки.
Голодра́бец, бедняк, бобыль.
Гопа́к, малороссийский танец.
Го́рлица, малороссийский танец.
Дивчи́на, девушка.
Дивча́та, девушки.
Дижá, кадка.
Дрибу́шки, мелкие косы.
Домови́на, гроб.
Ду́ля, шиш.
Дукáт, род медали, носится на шее.
Зна́хор, многознающий, ворожея.
Жи́нка, жена.
Жупа́н, род кафтана.
Кагана́ец, род светильни.
Кле́пки, выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.
Кныш, род печеного хлеба.
Ко́бза, музыкальный инструмент.
Комо́ра, амбар.
Кора́блик, головной убор.
Кунту́ш, верхнее старинное платье.
Корова́й, свадебный хлеб.
Ку́холь, глиняная кружка.
Лысый дидько, домовый, демон.
Лю́лька, трубка.
Макитра, горшок, в котором трут мак.
Макогóн, пест для растирания мака.

Малаха́й, плеть.
Ми́ска, деревянная тарелка.
Молоди́ца, замужняя женщина.
На́ймыт, нанятой работник.
На́ймычка, нанятая работница.
Оселе́дец, длинный клоч волос на голове, заматывающийся на ухо.
Очи́пок, род чепца.
Пампу́шки, кушанье из теста.
Па́сичник, пчеловод.
Па́рубок, парень.
Пла́хта, нижняя одежда женщин.
Пе́кло, ад.
Пере́купка, торговка.
Перепо́лх, испуг.
Пе́йсики, жидовские локоны.
Пове́тка, сарай.
Полу́табенек, шелковая материя.
Пу́тря, кушанье, род каши.
Рушник, утиральник.
Сви́тка, род полукафтаны.
Синдя́чки, узкие ленты.
Сласте́ны, пышки.
Сво́лок, переключина под потолком.
Сливя́нка, наливка из слив.
Сму́шки, бараний мех.
Со́няшница, боль в животе.
Сопи́лка, род флейты.
Стуса́н, кулак.
Стри́чки, ленты.
Тройча́тка, тройная плеть.
Хло́пец, парень.
Ху́тор, небольшая деревушка.
Ху́стка, платок носовой.
Цибу́ля, лук.
Чумаки́, обозники, едущие в Крым за солью и рыбою.
Чупри́на, **чуб**, длинный клоч волос на голове.
Ши́шка, небольшой хлеб, делаемый на свадьбах.
Юшка, соус, жижа.
Ятка, род палатки или шатра.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

*Мені нудно в хаті жить.
Ой, вези ж мене із дому,
Де багацько грому, грому,
Де гопцюють все дівки,
Де гуляють парубки! *1*

Из старинной легенды

Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землею, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни облака. В поле ни речи. Все как будто умерло; вверху только, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зеленых, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого августа тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет назад тому, когда дорога, верст за десять до местечка Сорочинец, кипела народом,

*1 Мне тоскливо жить в хате. Вези меня из дому туда, где много шума, где девушки все танцуют, где парни веселятся.

поспешавшим со всех окрестных и дальних хуторов на ярмарку. С утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки*¹ с солью и рыбою. Горы горшков, закутанных в сено, медленно двигались, кажется, скупая своим заключением и темнотою; местами только какая-нибудь расписанная ярко миска или макитра хвастливо выказывалась из высоко взгроможденного на возу плетня и привлекала умиленные взгляды поклонников роскоши. Много прохожих поглядывало с завистью на высокого гончара, владельца сих драгоценностей, который медленными шагами шел за своим товаром, заботливо окутывая глиняных своих щеголей и кокеток ненавистным для них сеном.

Одинок в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брел, в чистой полотняной рубашке и запачканных полотняных шароварах, его хозяин. Ленивою рукою обтирал он катившийся градом пот со смуглого лица и даже капавший с длинных усов, напудренных тем неумолимым парикмахером, который без зову является и к красавице, и к уроду и насильно пудрит несколько тысяч уже лет весь род человеческий. Рядом с ним шла привязанная к возу кобыла, смиренный вид которой обличал преклонные лета ее. Много встречаемых, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поровнявшись с нашим мужиком. Однако ж не седые усы и не важная поступь его заставляли это делать; стоило только поднять глаза немного вверх, чтоб увидеть причину такой почтительности: на возу сидела хорошенькая дочка с круглым личиком, с черными бровями, ровными дугами поднявшимися над светлыми карими глазами, с беспечно улыбавшимися розовыми губками, с повязанными на голове красными и синими лентами, которые, вместе с длинными косами и пучком полевых цветов, богатою короною покоились на ее очаровательной головке. Всё, казалось, занимало ее; всё было ей чудно, ново... и хорошенькие глазки беспрестанно бежали с одного предмета на другой. Как не рассеяться! в первый раз на ярмарке! Девушка в восемнадцать лет в первый раз на ярмарке!.. Но ни один из прохожих и проезжих не знал, чего ей стоило упросить отца

*¹ Обозники.

взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служение, теперь на продажу. Неугомонная супруга... Но мы и позабыли, что и она тут же сидела на высоте воза, в нарядной шерстяной зеленой кофте, по которой, будто по горностаевому меху, нашиты были хвостики, красного только цвета, в богатой плахте, пестревшей, как шахматная доска, и в ситцевом цветном очипке, придававшем какую-то особенную важность ее красному, полному лицу, по которому проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочки.

Глазам наших путешественников начал уже открываться Псёл; издали уже веяло прохладою, которая казалась ощутительнее после томительного, разрушающего жара. Сквозь темно- и светло-зеленые листья небрежно раскиданных по лугу осокоров, берез и тополей засверкали огненные, одетые холодом искры, и река-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленые кудри дерев. Своенравная, как она в те упоительные часы, когда верное зеркало так завидно заключает в себе ее полное гордости и ослепительного блеска чело, лилейные плечи и мраморную шею, осененную темною, упавшею с русой головы волною, когда с презрением кидает одни украшения, чтобы заменить их другими, и капризам ее конца нет, — она почти каждый год переменила свои окрестности, выбирая себе новый путь и окружая себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельниц подымали на тяжелые колеса свои широкие волны и мощно кидали их, разбивая в брызги, обсыпая пылью и обдавая шумом окрестность. Воз с знакомыми нам пассажирами въехал в это время на мост, и река во всей красоте и величии, как цельное стекло, раскинулась перед ними. Небо, зеленые и синие леса, люди, возы с горшками, мельницы — все опрокинулось, стояло и ходило вверх ногами, не падая в голубую прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечник, которым исправно занималась во все продолжение пути, как вдруг слова: «Ай да дивчина!» поразили слух ее. Оглянувшись, увидела она